

РЕАЛИИ МИРА АНТИУТОПИИ КАК ИСТОЧНИК КУЛЬТУРНЫХ МЕМОВ

Х.У. Юсупов

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия, khalid.iusupov@yandex.ru*

Аннотация. В статье анализируется механизм возникновения новых культурных мемов на базе реалий вымышленного мира (специальных лексических единиц, служащих для описания вымышленного мира во всех его аспектах: география, этнография, социально-политическое устройство, материальная культура и т.д.), также известных как «квазиреалии» и «нереалии» (igrealia). Несмотря на спорный статус меметики, концепция мема как устойчивой структуры информации, способной к саморепликации, получила достаточно широкое распространение. Тем не менее вопрос наличия связи между реалиями вымышленного мира и мемами, как и феномен реалий вымышленного мира в целом, остается малоизученным. Обращение к жанру антиутопии обусловлено тем обстоятельством, что одной из основных функций данного жанра является функция прогнозирования и предупреждения. Пытаясь предупредить читателей о тех или иных негативных вариантах развития будущего, автор сознательно или несознательно «заражает» сознание читателя теми или иными идеями, которые постепенно захватывают сознание всё большего количества людей. Роман Дж. Оруэлла «1984» выбран как наиболее яркий представитель данного жанра, по достоинству считающийся классикой антиутопии XX в. Идеи, озвученные Дж. Оруэллом, а также предметы, понятия и явления, описанные в романе, прочно вошли в нашу жизнь. На примере заголовков и цитат, взятых из англоязычных новостей, продемонстрировано распространение и ассимиляция изначально вымышленных идей в реальном языке и реальной культуре.

Ключевые слова: реалии; реалии вымышленного мира; квазиреалии; нереалии; вымышленный мир; антиутопия; меметика; мем

Для цитирования: Юсупов Х.У. Реалии мира антиутопии как источник культурных мемов // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022. № 1. С. 86–93.

REALIA OF DYSTOPIAN WORLD AS A SOURCE OF CULTURAL MEMES

Khalid U. Yusupov

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, khalid.iusupov@yandex.ru

Abstract. The article analyzes the mechanisms through which fictional realia, also known as quasi-realialia or irrealialia (special lexical units that describe various aspects of a fictional world: its geography, ethnography, social political structure, material culture, etc.), create new cultural memes. Despite the controversial status of memetics, the concept of meme as a sustainable and self-replicating unit of information became widespread among various researchers. However, very little research has been carried out to draw connections between memes and fictional realia. Furthermore, few researchers pay attention to the study of fictional realia as a whole. We choose the genre of dystopia due to its prognostic and preventive functions. Trying to warn the reader about a future that is both undesirable and frightening to the vast majority of humanity, the author “infects” the reader with different ideas, which proliferate from the host’s mind and “infect” more and more people. «1984» by George Orwell, one of the most prominent dystopian novels of the twentieth century, is a perfect example of such proliferation of ideas: the concepts introduced by George Orwell became an integral part of various cultures and languages. The analysis of various headlines and quotes from English articles demonstrates how fictional realia propagate and assimilate in real culture and real language.

Key words: realia; fictional realia; quasi-realialia; irrealialia; fictional world; dystopia; memetics; meme

For citation: Yusupov K.U. (2022) Realia of dystopian world as a source of cultural memes. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Inter-cultural Communication*, no. 1, pp. 86–93. (In Russ.)

Погружаясь в культуру того или иного языка, мы невольно обращаем внимание на те многочисленные предметы, понятия и явления, которые имеют отличительную характеристику данного языкового коллектива. Для обозначения лексических единиц, называющих данные объекты и феномены, применяется целый ряд терминов (безэквивалентная лексика, экзотизм, лакуна, культурема и т.д.), среди которых наибольшее распространение получил термин «реалия» (лат. *realia*, мн. от *realis* – «вещественный», «действительный»). Одним из первых данный термин употребил Л.Н. Соболев. Исследователь обозначил этим термином «бытовые и специфически национальные слова и обороты, не имеющие эквивалентов в быту, а следовательно, и в языках других стран» [Соболев, 1952: 281]. Более подробное и более известное определение термина «реалия» дали С. Влахов и С. Флорин: «слова (и словосочетания), называющие

объекты, характерные для жизни (быта, культуры, социального и исторического развития) одного народа и чуждые другому; будучи носителем национального и/или исторического колорита, они, как правило, не имеют точных соответствий (эквивалентов) в других языках, а следовательно, не поддаются переводу «на общих основаниях», требуя особого подхода» [Влахов, Флорин, 1980: 47]. Ученые подчеркивают, что одной из важнейших характеристик реалий является их национальная окрашенность, при этом отмечая, что передача реалий – это сложный процесс, требующий от переводчика особых усилий.

Понимаемые таким образом реалии могут встречаться не только в реальном мире. Фантастические миры, существующие в воображении автора, как правило наполнены многочисленными предметами, понятиями и явлениями, характерными только для данного мира. Для обозначения данного вида реалий мы используем термин «реалия вымышленного мира» или «квазиреалия». Согласно определению, предложенному Е.М. Божко, квазиреалии являются единицами, номинирующими единицы квазикультуры или квазиэтноса, описываемых в произведениях жанра фэнтези [Божко, 2011: 189]. Главная функция квазиреалий – наименование объектов выдуманного мира [там же].

Несмотря на общую малоизученность феномена реалий вымышленного мира, данный вопрос получил освещение и в работах зарубежных исследователей. Так, для обозначения данных лексических единиц финский исследователь М. Лопонен вводит термин «нереалия» (*irrealia*): «знаки, с помощью которых вымышленный мир обретает свою фантастичность и откалывается от реального мира, утверждая свою независимость непосредственно в качестве вымышленного конструкта; при помощи данных знаков вымышленный мир также может обозначать свою принадлежность к другому вымышленному миру, зависимость от него, или наличие с ним интертекстуальных связей» [Loponen, 2009: 167]. М. Лопонен отмечает, что нереалии могут сигнализировать о принадлежности конкретного фантастического текста к тому или иному фантастическому жанру [Loponen, 2009: 167].

Таким образом, реалии вымышленного мира служат для описания фантастического мира во всех его аспектах: география, этнография, социально-политическое устройство и т.д. Именно эти предметы, понятия и явления делают вымышленный мир непохожим на реальность, в связи с чем можно говорить о «фантастическом» колорите данного вида реалий. Помимо этого, есть все основания говорить о «жанрораспределяющей» функции реалий вымышленного мира.

В силу своей злободневности и психологической привлекательности, те или иные реалии вымышленного мира могут проникать в культуру, тем самым выступая в качестве материала для создания так называемых «мемов». Впервые термин «мем» был введён британским зоологом Р. Докинзом. В своей книге «Эгоистичный ген» ученый предложил следующее определение данного понятия: «единица культурной информации, или единица подражания» [Dawkins, 2006: 192]. По Р. Докинзу, примерами мемов могут служить мелодии, идеи, крылатые выражения, модная одежда и т.д. При этом ученый отождествляет мемы с вирусами и паразитами: проникая в сознание носителя, мем начинает «размножаться» с целью распространения на сознание нового носителя. Другое не менее известное и несколько расширенное определение данного термина дал американский программист и писатель Р. Броуди: «... единица информации, которая содержится в сознании и воздействует на события таким образом, чтобы в сознании других людей возникало больше ее копий» [Brodie, 2009: 11]. Как отмечает Г.Г. Молчанова, «система ценностных ориентаций, лежащих в основе различных культур, отражается в устойчивых единицах языка – мемах» [Молчанова, 2019: 10]. При этом «закономерности распространения мемов подразумевают не только вертикальный перенос информации (т.е. между поколениями, как в генетике), но и горизонтальный перенос – от человека к человеку» [Молчанова, 2017: 8]. Попадая в новый текст, исходные мемы могут претерпевать существенные изменения, тем самым превращаясь в антимемы [Молчанова, 2020: 14]. Так, политический мем “Brexit” породил целый ряд антимемов: Bregret, Grexit и т.д. [там же].

Как было указано выше, предметы, понятия и явления, описываемые в фантастических произведениях, в силу своей актуальности и злободневности, проникают в сознание читателей, которые и становятся «переносчиками» мемов. Это утверждение в особенности верно для жанра антиутопии, одной из основных функций которого является функция прогнозирования. Подобно вирусу, мемы, рожденные из вымышленных реалий, начинают захватывать сознание всё большего количества людей, которые видят в антиутопических произведениях попытку предостеречь общество от нежелательного с точки зрения автора варианта развития будущего. Со временем, получив достаточное распространение, эти мемы ассимилируются, становятся частью языка и культуры. Ярким примером такого распространения реалий мира антиутопии служит роман Дж. Оруэлла «1984» и одна из наиболее известных реалий данного романа – “Big Brother” (Большой Брат). В онлайн-версии кембриджского словаря можно найти следующее определение данного понятия: “a way of referring to a government, ruler, or person in authority that has complete

power and tries to control people's behaviour and thoughts and limit their freedom". Большой Брат прочно вошел в нашу жизнь, став синонимом тоталитарного государства, репрессий и опасений по поводу тотального надзора за населением. Это можно пронаблюдать на примере заголовков и цитат из англоязычных статей:

1. How Big Brother watches your every move (The Telegraph, 2008);
2. The original Big Brother is watching you on Amazon Kindle (The Guardian, 2009);
3. Bishop warns Government against 'Big Brother' stance on schooling (The Telegraph, 2016);
4. Government risks becoming an 'ideologically driven Big Brother' amid drive to teach 'British values' in schools, says Bishop of London (The Telegraph, 2016);
5. Big Brother isn't just watching: workplace surveillance can track your every move (The Guardian, 2017);
6. Smart cities: Big Brother in disguise? (The Telegraph, 2018);
7. Does the future of big data mean Big Brother politics? (The Telegraph, 2019);
8. Big Brother is watching: Chinese city with 2.6m cameras is world's most heavily surveilled (The Guardian, 2019);
9. Now Big Brother is watching how you type or hold your phone (The Telegraph, 2020);
10. Barclays using 'Big Brother' tactics to spy on staff, says TUC (The Guardian, 2020).

Определенной популярностью в англоязычных СМИ пользуются понятие "doublethink" (двоемыслие). В мире Дж. Оруэлла словом "doublethink" обозначают способность одновременно верить в зачастую диаметрально противоположные идеи и в зависимости от ситуации занимать ту или иную выгодную позицию. В этом же значении данное слово вошло в английский язык. Так, онлайн-версия кембриджского словаря дает следующее определение понятия "doublethink": "a situation in which someone seems to believe two opposite things, or claims to believe something but does the opposite". С примерами употребления данного словосочетания можно ознакомиться ниже:

1. Trump's communications strategy of repeating false accusations while also shifting his position from a stance that he held just moments before, is an exercise in Orwellian doublethink (The Guardian, 2018);
2. I watched Leaving Neverland on my birthday ... Yet, what's both fascinating and illuminating about this film is the precision with which its two central survivors, James Safechuck and Wade Robson, describe the doublethink of abuse (The Guardian, 2019);

3. The Booker prize judges have exposed the doublethink behind our arts awards (The Guardian, 2019);

4. The double-think of the woke elite blinds them to their own ridiculousness (The Telegraph, 2020).

Важно, на наш взгляд, обратить внимание на реалию «телекран» (telescreen). Телекран – это специальное устройство, напоминающее телевизор, оборудованное камерой и микрофоном, которое установлено в домах всех жителей Океании, вымышленного военно-политического блока из мира «1984». Основная задача данного устройства – вести слежку за людьми и транслировать политическую пропаганду. Телекран, наряду с Большим Братом, стал символом тотального надзора и контроля за населением, что можно пронаблюдать на примерах:

1. Our mobile phones have been transformed into the equivalent of Orwell’s telescreens, watching us as much as we watch them. (The Guardian, 2013);

2. Assuming it has the technical capability remotely to activate lap top cameras, the age of the telescreen has arrived. (The Telegraph, 2013);

3. The system, eerily reminiscent of the telescreens evoked in George Orwell’s 1984, was used for experiments in automated facial recognition, to monitor GCHQ’s existing targets, and to discover new targets of interest (The Guardian, 2014);

4. ‘Alexa, are you invading my privacy?’ – the dark side of our voice assistants ... The Echo Show, a smart assistant with a screen and camera, was widely compared to the telescreen when it was introduced two years ago (The Guardian, 2019).

Не менее интересны примеры использования реалии “thought police” (полиция мыслей). В онлайн-версии кембриджского словаря приводится следующее определение данного понятия: “a group that tries to control people’s beliefs and opinions”. В мире 1984 “thought police” – это особый репрессивный орган, который борется с «мыслепреступниками», или теми, кто придерживается точки зрения, отличной от партийной. При этом проявлением мыслепреступления может считаться любая мелочь: любое неосторожное слово, жест или подозрительное выражение лица. В целом, перейдя из фантастического мира в реальный, данное словосочетание сохранило свое оригинальное значение, в чем можно убедиться на нижеприведенных примерах:

1. Britain’s police could become ‘thought police’ under plans to clamp down on extremism (The Telegraph, 2015);

2. Manchester chief constable airs fears of ‘thought police’ over counter-extremism (The Guardian, 2015);

3. Anti-radicalisation chief says ministers' plans risk creating 'thought police' (The Guardian, 2016);

4. Now the thought police are coming for our soldiers (The Telegraph, 2019);

5. Must we all live in fear of a visit from the actual thought police? (The Telegraph, 2019).

Таким образом, можно утверждать, что антиутопия выступает в качестве плодотворной почвы для создания культурологических мемов и антимемов. Предметы, понятия и явления, описываемые в антиутопиях, не только являются инструментами создания образа мира того или иного произведения. Они также оказывают большое влияние как на сознание читателей, так и на язык и культуру в целом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Божко Е.М. Квазиреалии мира фэнтези, их классификация и роль в воздействии текста перевода на получателя // Научно-технические ведомости. Сер. Гуманитарные и общественные науки. СПб., 2011. № 3. С. 188–191.
2. Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе. М., 1980. С. 343.
3. Молчанова Г.Г. Когнитивные подходы к изменениям дискурса нового поколения // Вестн. Моск. унт-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2019. № 1. С. 9–18.
4. Молчанова Г.Г. Когнитивные рефрейминг как эффективное средство предвыборной аргументации (сопоставительный аспект) // Вестн. Моск. унт-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2017. № 3. С. 7–15.
5. Молчанова Г.Г. Типы и техники меметики как механизма формирования нового знания // Вестн. Моск. унт-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. № 2. С. 9–22.
6. Соболев Л.Н. Пособие по переводу с русского языка на французский. М., 1952. С. 404.
7. Brodie R. Virus of the Mind: The Revolutionary New Science of the Meme and How It Affects You. L., 2009. P. 249.
8. Dawkins R. The Selfish Gene. Oxford, 2006. P. 384.
9. Loponen M. Translating irrealia: Creating a semiotic framework for the translation of fictional cultures // Chinese Semiotic Studies. Vol. 2. 2009. No. 1. P. 165–175.

REFERENCES

1. Bozhko E.M. 2011. Kvazirealii mira fentezi, ikh klassifikatsiya i rol' v vozdeistvii teksta perevoda na poluchatelya [Quasi-realias of the fantasy world, their classification and role in influence of the target text on the recipient]. *St. Petersburg State Polytechnical University Journal: Humanities and Social Sciences*, no. 3, pp. 188–191. (In Russ.)
2. Vlahov S., Florin S. 1980. *Neperevodimoe v perevode* [The Untranslatable in Translation]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya. (In Russ.)
3. Sobolev L.N. 1952. *Posobie po perevodu s russkogo yazyka na frantsuzskii* [Russian to French Translation Guide]. Moscow, Izdatel'stvo literatury na inostrannykh yazykakh. (In Russ.)
4. Molchanova G.G. 2019. Kognitivnye podkhody k izmeneniyam diskursa novogo pokoleniya [Cognitive approaches to the new generation worldview]. *Moscow State*

University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication, no. 1, pp. 9–18. (In Russ.)

5. Molchanova G.G. 2017. Kognitivnye reframeing kak effektivnoe sredstvo predvybornoi argumentatsii (sopostavitel'nyi aspekt) [Cognitive reframing as an effective instrument of the political pre-election 2016 race (the comparative aspect)]. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 3, pp. 7–15. (In Russ.)
6. Molchanova G.G. 2020. Tipy i tekhniki memetiki kak mekhanizma formirovaniya novogo znaniya [Types and techniques of memetics as a means of new knowledge formation]. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 2, pp. 9–22. (In Russ.)
7. Brodie R. 2009. *Virus of the Mind: The Revolutionary New Science of the Meme and How It Affects You*. London, Hay House.
8. Dawkins R. 2006. *The Selfish Gene*. Oxford, Oxford University Press.
9. Loponen M. 2009. Translating irrealia: Creating a semiotic framework for the translation of fictional cultures. *Chinese Semiotic Studies*, vol. 2, no. 1, pp. 165–175.

Статья поступила в редакцию 24.08.2021;
одобрена после рецензирования 20.09.2021; принята к публикации 27.09.2021

The article was submitted 24.08.2021; approved after reviewing 20.09.2021;
accepted for publication 27.09.2021

Об авторе

Юсупов Халид Умалтович – аспирант факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова, khalid.iusupov@yandex.ru

About the author

Khalid U. Yusupov – Post-graduate student, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University, khalid.iusupov@yandex.ru